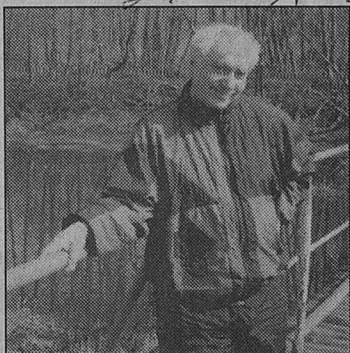

Кино 80-х: мы как-то на удивление интеллигентно работали

Коммерсант-дэйли. — 1997. — 6 сент. — с. 8

В 80-е годы в кинематографе как никогда актуальной стала тема молодежи. Многие режиссеры обращались к ней, но вехой той поры стал «Курьер» Карена Шахназарова. О том, как снимали этот фильм, рассказывает второй режиссер АРНОЛЬД ИДЕС.

Арнольд Идес работал вторым режиссером в фильме «Курьер»

В том, что я был приглашен Шахназаровым для совместной работы, ничего особенного нет. Карен просто обозначил галочкой мою фамилию в списке свободных вторых режиссеров на «Мосфильме». Шахназаров был еще довольно молодым режиссером, и было непонятно, чего от него ждать. Может быть, именно поэтому на съемках происходило много нетипичных вещей. Может, время было такое, что все как-то восторженно, оптимистично все воспринимали, может, люди такие подобрались.

Основная проблема состояла в том, чтобы найти героев подходящего возраста, с подходящими физиономиями. Времени на это ухлопали вагон и маленькую тележку. Скажем, на подготовительный период отпускаясь тогда два месяца, а мы полгода потратили. Это сегодня все решают время и деньги, а тогда можно было немножко поманежить, поискать именно то, что нужно. Вот мы и искали... Сначала нашли героиню. Ею оказалась Настя Немоляева, дочка нашего главного оператора.

Когда с Настей более или менее определились, надо было закружаться с поисками ее партнера. Я уже готов был лезть на стенку, сроки поджимают. Нервы у всех были на пределе. Как-то мы сидели на студии замученные и грустные, под глазами синяки... А Карен тут посетовал, что что-то у нас ничего не получается. «Я знаю, почему не получается, — сказал я. — Потому что выпить надо». Идея мужикам понравилась, поддерживали активно. Мы быстренько скинулись, организовали выпивку. Посидели, расслабились немножко, поговорили. И как-то возникла идея у Насти Немоляевой спросить, может, у нее есть какой-то знакомый чудака. Вот просит так, что называется, паль-

цем в небо. Просто степень отчаяния дошла до предела.

Настя вспомнила, что был у них в классе шизик, который ездил в метро в ватнике, на спине которого написано «дубленка». Мы с Кареном оживились — такой нам и нужен.

Настя привела его — Федю Дунавского — на смотрины. И с первого взгляда я понял, что это именно то, что нам нужно: внешность колоритная, да и, как потом выяснилось, характер соответствующий. Я бы даже назвал его маленьким нигилистом по форме и по содержанию: он отрицал все, он все делал поперек.

Настя — человек из актерско-киношной среды, племянница актрисы Светланы Немоляевой, у нее в крови артистизм. Другие актеры-профессионалы: Чурикова, Басилашвили, Панкратов-Черный... Как-то без проблем, они сами все знали. А с Федькой поговорить пришлось изрядно.

Например, снимали мы эпизод, когда он в гостях должен был петь романс «Соловей мой, соловей». Привел его Карен ко мне: «Научи его петь романс. Завтра с утра съемка». Я опешил. Ничего себе, я и сам-то консерваторий не оканчивал. Но делать мне было нечего, кроме как преподавать Феде урок вокала. Мы уединились в монтажной, и я попробовал ему этот романс напеть. Федя повторил пару раз — вполне прилично. В этом эпизоде снималась оперная певица Лариса Курдюмова. Ей Федино пение довольно сносно показалось.

В любой работе неизбежны конфликты, казалось бы. Но нам как-то удавалось этого

избежать. Или, может быть, за давностью лет все конфликты как-то сглаживаются. Помню, Карен мне очень строго выговаривал за то, что я пытался Панкратова-Черного дисциплинировать. Я его просил на съемку пораньше приехать, чтобы подготовиться. А тот, как правило, на час-полтора обязательно опаздывал. Карен мне сказал, что для актера не так важно, в какое время он приезжает, а важно, в каком состоянии. Я это себе на ус намотал.

Мы как-то на удивление интеллигентно работали. Наверное, это просто свойство характера Карена. Надо отдать ему должное. Но была у нас с ним достаточно серьезная стычка, после которой я чуть было из группы не ушел. А дело происходило следующим образом. Снимали мы массовку в кафе. Сидит там молодежь, неформалы, байки травят, анекдоты... А у нас так заведено, что за тем, чтобы в мизансцене ничего не изменялось, следят все. Нет у нас специального человека, который ходит с блокнотиком и все записывает — что как стоит, на ком как галстук висит. В основном это, конечно, моя головная боль. И я обратил внимание, что в одном эпизоде натурморт на столе изменен — предметы переставлены. Я Карену сказал, а тот отмахнулся — дескать, все нормально. А спустя какое-то время на монтаже увидели, что и правда бутылку с кастрюлей местами поменяли. Карен скандалить! Я ему еле объяснил с помощью коллег, которые слышали, как я его внимание на это обращал, что я здесь не виноват. Карен покипятился, а потом признал, что напраслину возводил.

Мы частенько вечеринки устраивали. Просто в какой-то определенный момент, когда часть материала уже отсняли и было понятно, что что-то получается, мы отмечали, что называется, день жаворонка. Просто так — с поводом и без повода. Все как-то не особенно противились тому, чтобы принять на грудь грамм по сто. Мужики водку, а дамы предпочитали шампанское. Нормально.

Записала ОЛЬГА ЛУНЬКОВА